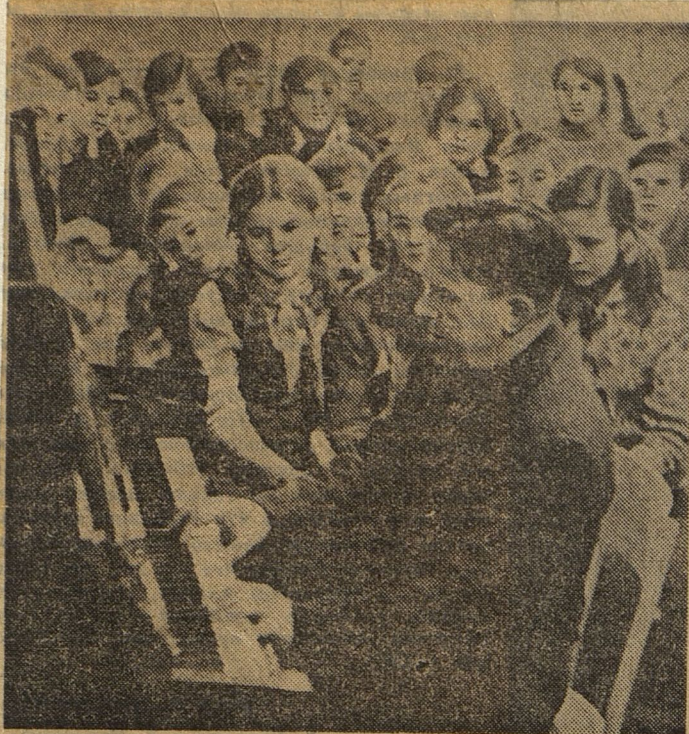

ПОЕЗДКА ТУДА И ОБРАТНО

Сов. культура. Москва, 5 дек 1974г

"Все-таки не случайно выбрал он для своего депутатского отчета этот торжественный день — 9 мая. Автобус легко катил по направлению к Смолевичам — небольшому белорусскому городку, где в районном Доме культуры намечалась встреча. На задних сиденьях шумела молодежь — студенты Белорусской консерватории, которым предстояло участвовать в концерте для избирателей. А их немногословный ректор Владимир Владимирович Оловников сидел в глубокой задумчивости у окошка.

Бывали у него такие минуты, когда чем-то потревоженная память вновь возвращалась к пережитому. Вот промелькнул за окном крутолобый холм, за которым стоит село Рудня, и на него будто пахнуло пороховым дымом тех дней.

...22 июня 1941 года Владимир Оловников сдавал последний выпускной экзамен в Белорусской консерватории, когда гулким выстрелом ворвалось в аудиторию известие: «Война!» Он ухнул из горящего Минска с вереницей беженцев по искореженным, выжженным дорогам. (Много позже, после войны, он напишет сюиту в трех частях «Песни мира». Но это будет позже). А тогда ночь застала их вот здесь, в Рудне, где жители делились с ними кровом и пищей. Не мог он в ту ночь даже предположить,

что спустя почти тридцать лет будет баллотироваться тут кандидатом в депутаты Верховного Совета республики.

Под Смоленском, куда пошли беженцы, выпускник консерватории Владимир Оловников записался добровольцем в Красную Армию и ускоренным курсом закончил Подольское артиллерийское училище. Шестого октября лейтенант Оловников уже вступил в первый свой бой у реки Угры.

Из того боя он вышел живым. А сколько их было еще впереди — тяжелых, кровопролитных, в которых он познал настоящую цену жизни.

«Нахожусь на фронте, — писал он друзьям. — Звание ношу старшего лейтенанта и командую батареей. Как я из композитора превратился в офицера-артиллериста, рассказывать долго, скажу коротко — это было мое желание... Мучительно переживаю отсутствие музыки. Постепенно теряется слух. Но не это главное...»

Главным было будущее Отечества, его будущее, за которое он дрался в настоящем. Под Сталинградом и Таганрогом, Исаилом и Очаковом, на Днестре и Днестре, Дунае и Балатоне... Он выполнял обещание, данное друзьям: «Наступать буду в темпе Presto, а беглый огонек из пушек только шестнадцатыми в темпе Allegro, без пауз».

Иначе он не представлял свою работу на войне. И ко-

гда во время боев за Одессу Оловникову предложили вернуться в тыл, в Союз композиторов БССР, который возобновил работу в Москве, он наотрез отказался. А в письме к своему учителю В. А. Золотареву, хлопотавшему о возвращении талантливого ученика к творчеству, деликатно, чтобы не обидеть пожилого человека, объяснял причины столь твердого решения:

«Для будущего счастья нашего народа одинаково необходима и моя шумная, громящая «работа» на фронте и ваш мирный труд. Для меня было бы большим счастьем встретиться с вами и о многом-многом поговорить, но, бог знает, суждено ли мне это? Пока я жив и здоров, хотя изменился — и внешне и внутренне».

В то время ему шел двадцать четвертый год — возраст, который мы сегодня называем юным. Но уже тогда он твердо знал, о чем будет его музыка.

...Он шагнул из глубины сцены, на которой традиционно стоял под красным сукном стол, трибуна и форте-

пиано с открытой крышкой, словно тоже готовое к отчету. Сдерживая подступившее волнение, Оловников громко начал рассказывать, как выполнял указы избирателей.

— Мне сегодня хочется, чтобы вы послушали песни, самые дорогие для меня, — сказал Оловников, подойдя к фортепиано. — В последние дни войны я потерял своего лучшего друга Леонида Татаринова. В память о нем, о моих боевых товарищах я написал цикл песен.

Композитор тронул клавиши, напевная мелодия полилась в притихший зал. И этот эмоциональный язык чувств был особенно понятен тем, кто прошел через суровые испытания войны, как сам Оловников. У многих из них были свои брестские крепости и хатыни, партизанские костры и холодные окопы, горечи утрат и радости побед. В эти минуты депутат и композитор Оловников как бы слились воедино. Впрочем, для него такие понятия нераздельны, о чем он записал в своем «Дневнике дружбы»:

«По своему предназначению советский художник должен быть в первых рядах борьбы за коммунизм. Его талант принадлежит народу, и только народу он должен служить. Кто уклоняется от этого почетного дела, тот оставляет поле боя...».

Любопытна история этого дневника. Однажды ветераны Минского автозавода попросили Оловникова напи-

сать песню об их прославленном коллективе. Композитор согласился и стал часто бывать в цехах — вживался в рабочий коллектив. А когда узнал, что заводской самодеятельности нужна помощь, взял шефство над ней. В дневнике он объяснил свою цель так:

«Хочется, чтобы и большой производственной славе Минского автомобильного прибавилась еще и слава самого поющего завода».

Одна за другой заполняются жизненными впечатлениями странички дневника, порою и не очень приятными.

«Весь день на заводе. Беседовал с начальниками цехов. Понял: очень нужны здесь квалификация художественные руководители. Под вечер разговор с директором, партгором и секретарем комитета комсомола. Чувствуется недоверие к начинанию. В конце концов убедил заслушать вопрос о подготовке к смотру на комитете. Затем пошел на репетицию сводного хора. Явилось всего человек тридцать. Репетировали «Вечернюю песню» Шумана. А как нужна интересная молодежная песня!.. Потом был на репетиции оркестра баянов. Впечатление и перспектива хорошие...»

Словом, шефство постепенно переросло в творческое содружество. Особенно ярко оно проявилось, когда композитор познакомился с молодым рабочим поэтом Казимиром Глатхенгаузом. Стихи его, привлекавшие неподдельной искренностью, легли в основу цикла таких песен Оловникова, как «Где-то в поселке», «Споём, друзья, споём», «Песня о юности», «Песня заводского района» и другие. Все они были написаны для заводской самодеятельности, но через некоторое время их уже пели в Гродно и Бресте, Пинске и Бобруйске, в селах Полесья и на берегах Двины.

«Сводный хор репетирует мой «Марш автозаводцев». В нем уже более 300 человек. (А поначалу-то было всего 30). Ах, как радуют меня сегодня сухие цифры! Руководство завода заинтересовано в том, чтобы автозаводцы имели побольше художественных произведений для коммунистического воспитания коллектива...»

Впрочем, не слишком ли расточителен он по отношению к себе? Если учесть депутатскую работу, педагогическую деятельность, бремя множества других общественных нагрузок, выйдет, что на собственное творчество ни сил, ни времени не остается. Но в том-то и дело, что общественная работа — не довесок к его музыке. Она не исключает творчества, а наполняет его жизненными соками. Ведь, открывая какие-то черты характера в людях, художник и в самом себе находит новые грани. Некоторые, бывает, любят пофилософствовать о некоем раздвоении личности художника, о притуплении его творческого восприятия, если он активный общественник. Этой «философии» милее своя скорлупа, через которую ничего не услышишь и не увидишь. Оловникову такая позиция чужда. Он ответил на вопрос так:

«Музыку справедливо называют звуком души. Чтобы правдиво говорить, надо хорошо знать жизнь, знать, какими мыслями, чувствами, настроениями живет народ».

Он пишет симфонические произведения, музыку для кинофильмов и театральных спектаклей, много работает с авторами, открывая имена молодых поэтов-песенников. И ездит, ездит, ездит. Оловников неутомимый собиратель народных песен, мелодий — их он бережно записывает, а потом прослушивает часами, словно желая впитать в себя сочные народные напевы. Этой неповторимой напевностью, подлинной народностью наполнены его симфонические поэмы «Нарочь», «Партизанская быль», многие песни. Одна из них — «Родина моя дорогая» — известна поистине каждому жителю Белоруссии. С нее ежедневно начинаются передачи республиканского радио и телевидения...

...Концерт затянулся до сумерек. Когда вышли из клуба на площадь, начался праздничный салют в Минске. Отсюда было хорошо видно, как взлетали разноцветные огни в темнеющее небо, будто стремились долететь до тех, очень далеких звезд. Все стояли зачарованные этим зрелищем, а музыка звучала, затопляя все вокруг, как мягкий солнечный свет в майский полдень. Был праздник Победы...

Возвращались в Минск той же дорогой. Студенты вполголоса, с какой-то затаненной грустью пели:

Прошла война. В затаих
и работа
На четверть века постарел
солдат.
Лишь воспоминанья
на какой-то ноте
Его, солдата, память
бередают.

Ему вспоминалась история песни. Эти незамысловатые строки написал бывший командир пограничной заставы Сергей Петрович Архипов. Да, время бежит, а дым войны еще горек для многих на земле. Неизвлекаемым осколком сидит она в людских душах. Как тот, который Оловников нашел однажды.

Помогал он знакомым в деревне пилить дрова. Резко вдруг захлебнулось ритмичное вжиканье пилы, наткнувшейся на железо. Когда раскололи дерево, из него выпал блестящий осколок, даже не тронутый ржавчиной. Теперь он лежит на рабочем столе Оловникова. Рядом с ним — букетик свежих цветов. Глядя на это, думаешь об одном: каким страстно влюбленным в жизнь должен быть человек, смотривший смерти в лицо.

Т. АБАКУМОВСКАЯ,
А. ХОДЫРЕВ,
наши специальные
корреспонденты.

МИНСК.

В. Оловников на пионерском сборе.